

вень абсентеизма. Лишь в конце 1920-х гг. прямые провокации власти в ряде случаев приводили к конфликтам зажиточной части с беднейшими слоями и представителями власти на выборных собраниях. В целом вопрос о влиянии различных факторов на электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. нуждается в отдельном и углубленном исследовании.

Наибольшие расхождения на выборах у большевиков и крестьянства выявились по вопросу о составе Советов. Несмотря на социальную неоднородность советской деревни 1920-х гг., крестьян объединяли традиционные представления о социальной справедливости, трудовой этике, которыми в значительной мере и определялся выбор депутатов в органы власти. Крестьяне видели своими представителями глав успешных хозяйств, уважаемых крестьянским сообществом. Большевики, ориентируясь на идеологические установки, выдвигали в Советы женщин, молодежь, представителей беднейших слоев деревни и членов правящей партии, что нередко вызывало неприятие в крестьянской среде. Точкой компромисса становилось включение в Советы представителей, как предлагаемых властью, так и крестьянским сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуцин Н.Я., Ильных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. (1920-е – сер. 1930-х гг.). Новосибирск, 1987.
2. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М., 1968.

3. Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982.

4. Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М., 1966.

5. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999.

6. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004.

7. Владимирский М.Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921.

8. Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 10–12.

9. Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224.

10. Итоги работы Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 1–4.

11. Ильных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

12. Калинин М.И. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советов. 1925. № 1. С. 6–7.

13. Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 55–62.

14. Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве (к вопросу об объектах и методах работы в области агрономии и землеустройства) // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 11–24.

Статья поступила
в редакцию 19.05.2013

УДК 94(47).084.5

С.М. СТАСЮКЕВИЧ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922–1928 гг.

канд. ист. наук,
Дальневосточный государственный аграрный университет,
г. Благовещенск
e-mail: svetasms@inbox.ru

В статье показано формирование агропродовольственной политики Советского государства на Дальнем Востоке, раскрыты ее основные аспекты: отказ от заграничных поставок и достижение самообеспечения региона. Сделан вывод о том, что результатом реализации агропродовольственной политики явился кризис на хлебном рынке региона.

Ключевые слова: хлебный рынок, аграрная политика, продовольственное снабжение, нэп, Дальний Восток.

Аграрная политика советской власти на Дальнем Востоке в 1920-х гг. изучалась преимущественно в плане реализации ее земельной, налоговой, кооперативной и социально-классовой составляющих. Важнейшие аспекты аграрной политики – пути и способы обеспечения населения региона продовольствием –

практически не освещались в работах дальневосточных историков [1; 2]. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

В октябре 1922 г. на Дальнем Востоке закончилась Гражданская война, одним из следствий которой оказалось возникновение продовольственной зависимости

ти региона от иностранных рынков. Советская власть проводила на Дальнем Востоке политику, основанную на принципах «развития самодеятельности окраин, достижения ими самокупаемости и независимости от внешних рынков»¹. Агропродовольственная политика была нацелена на развитие собственного зернового производства и достижение самообеспечения региона хлебом².

Первоочередной задачей советской власти в 1922–1924 гг. было сокращение поставок продовольствия из-за границы и концентрация их в руках государства. Импортные операции сосредоточивались в руках Госторга. Уже с января 1923 г. частным лицам отказывалось в лицензиях на ввоз продовольствия из Маньчжурии. Чтобы содействовать развитию местной мукомольной промышленности, вводились запреты на ввоз в Дальневосточную область (ДВО) муки [3, с. 305–306, 308]. Государственные и кооперативные торгово-заготовительные организации все действия по закупке зерна за границей должны были согласовывать с Дальревкомом. В 1923–1925 гг. пшеница для дальневосточных государственных мельниц в плановом порядке закупалась в Северной Маньчжурии, экстренные ситуации, связанные с перебоями в работе предприятий, также преодолевались за счет импорта зерна³.

В сезон 1923/24 г. был организован завоз продовольствия в Приморье из южных областей России морским путем. Государственное акционерное общество «Хлебопродукт» должно было поставить во Владивосток через черноморские порты 700 тыс. пуд. пшеницы. Однако к марту 1924 г. прибыл только один пароход. Для обеспечения Госмельницы сырьем до прибытия второго транспорта государство вынуждено было закупать зерно в Маньчжурии и Америке. В 1923/24 г. завоз из южных портов на Дальний Восток морем стал возможным исключительно благодаря ножицам цен, когда зерно в Европейской России подешевело настолько, что даже с учетом морской перевозки и накладных расходов цена хлеба оставалась приемлемой для дальневосточного потребителя. Двукратное подорожание кубанского хлеба летом 1924 г. сделало этот вариант поставок экономически крайне невыгодным⁴.

Постановление президиума Дальревкома от 24 октября 1924 г. разрешало ввоз заграничного хлеба лишь в крайних случаях. Отделу внутренней торговли (Дальвнутторгу) поручалось до 5 ноября разработать порядок покрытия хлебного дефицита за счет максимального усиления закупок на внутреннем рынке. Однако полностью отказаться от импорта зерна не получилось.

Решение Дальревкома было принято с запозданием, увеличить отгрузку на Дальний Восток из производящих районов СССР оказалось невозможно⁵. Пленум Дальбюро ЦК ВКП(б) санкционировал поставки продовольствия из-за границы для снабжения восточных районов ДВО. Областной импортный план 1924/25 г. предусматривал закупки зерна в Маньчжурии и Канаде на 6 млн руб., в том числе 3 млн пуд. пшеницы по цене 1,5 руб. за пуд⁶. Заготовительная цена на амурскую пшеницу в то время не превышала 1,3 руб. за пуд⁷. Государственные закупочные цены в Сибири колебались в пределах 0,85–1,06 руб. за пуд [4, с. 135].

В сентябре 1925 г. пленум Дальбюро ЦК ВКП(б) принял категоричное решение о прекращении закупок хлебопродуктов за рубежом и покрытия краевого дефицита целиком за счет завоза сибирского зерна⁸. Поставки зерна для продовольственных нужд Дальнего Востока из Северной Маньчжурии были полностью остановлены с января 1926 г.⁹

Вопрос о замещении маньчжурского хлебного импорта на Дальний Восток завозом из Сибири поднимался с первых дней советизации региона. С 1923 г. туда для налаживания каналов поставок зерна направлялись представители дальневосточных потребляющих организаций. В декабре 1923 г. Дальэконо разработал предложения по снабжению региона хлебопродуктами: Забайкалье должно было обеспечиваться сибирской продукцией, излишки амурского хлеба предусматривалось реализовывать на рынках Приамурья и Приморья. Постановление президиума Дальревкома от 1 февраля 1924 г. утвердило эту схему. Для обеспечения хлебопоставок из Сибири в дальневосточном направлении устанавливался прямой тариф на хлеб в зерне¹⁰. Вместе с тем все промышленные и регулирующие организации ДВО выступали против введения прямого тарифа на муку¹¹.

В первой половине 1920-х гг. завоз сибирского зерна осуществлялся Хлебопродуктом и дальневосточными организациями, ведущими самостоятельные заготовки в сибирских губерниях или работавшими по прямым договорам с сибирскими хлеботоргующими организациями. В 1925/26 г. на Дальний Восток планировалось ввезти 8746,1 тыс. пуд. Несмотря на первоначальные намерения ограничить ввоз только Забайкальем, в реальности более половины сибирского транзита – 4735,6 тыс. пуд. – направлялось в Приморье [5, с. 307]. Такая ситуация возникла потому, что в основной житнице Дальнего Востока – Амурской губернии – вплоть до 1924 г. включительно продолжалось сокращение посевных площадей, а 1923-й и 1925-й

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 937. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

² Там же. Ф. П-335. Оп. 1. Д. 50. Л. 19–21, 25–27.

³ Там же. Ф. Р-58сч. Оп. 1. Д. 15. Л. 230; Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-61. Оп. 1. Д. 120. Л. 33; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2478. Оп. 1. Д. 107. Л. 38; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 865. Л. 100.

⁴ ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 447. Л. 23, 60; Дальневосточный телеграф. 1924. № 160. С. 4; № 165. С. 3.

⁵ ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 44. Л. 104.

⁶ Там же. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 3. Л. 23; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 283. Л. 57.

⁷ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 895. Л. 42–43.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 973. Л. 113.

⁹ Народное хозяйство Владивостокского округа в 1925–26 году. Владивосток, 1927. С. 102–103.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 584. Л. 94–95; Д. 832. Л. 36.

¹¹ ГАХК. Ф. Р-58сч. Оп. 1. Д. 48. Л. 105.

годы выдались неурожайными. Губерния едва обеспечивала собственные потребности.

Осенью 1925 г. вследствие кризиса хлебозаготовок в центральных районах страны существенно изменилась государственная политика регулирования хлебного рынка – произошел очевидный поворот в сторону централизации заготовительных операций. В рамках этого процесса с конца октября от самостоятельных заготовок на сибирском рынке и вывоза хлеба из региона отстранялись инорайонные государственные и кооперативные организации. Прекращалась деятельность и дальневосточных заготовителей, в частности в Новониколаевском округе с заготовок была снята Примгосмельница [4, с. 139–140]. Одновременно ряд сибирских торгово-заготовительных организаций перестал выполнять ранее заключенные договора по отгрузке зерна для Дальнего Востока [5, с. 307]. Прекращение поставок из Сибири спровоцировало в регионе резкий рост цен в начале 1926 г. В губернских городах пшеничная мука по сравнению с 1924/25 г. подорожала на 7 %, ржаная – на 11, в уездных городах – на 22 и 23 % соответственно. Заготовительные цены на пшеницу в среднем по региону повысились на 27,7 %, на рожь – на 19,7 %. В Амурском округе – на 46 и 22 % соответственно [6, с. 5, 12, 13].

Только в феврале 1926 г. было достигнуто соглашение между Дальневосточным краем и Сибирским краем об увеличении хлебных отгрузок, которым устанавливалась ежемесячная норма в 600 тыс. пуд. В апреле дальневосточным регулирующим органам удалось добиться у Наркомторга включения потребности ДВК в республиканский план снабжения, после чего поставки сибирского зерна становятся регулярными [5, с. 307]. Однако к этому времени железнодорожные тарифы повысились на 20–25 %, а хлеботоргующие организации Сибири подняли продажные цены на 20–30 коп. с пуда, что вызвало новый всплеск цен и на Дальнем Востоке¹².

Пережив серьезные потрясения, местные власти опасались, что зависимость снабжения хлебом от организаций, им не подчиненных, будет держать дальневосточников под постоянной угрозой перебоев в снабжении; власти настойчиво пытались добиться возвращения Приморского государственного мукомольного треста в число плановых заготовителей по Сибири¹³. Но с 1926/27 г. поставки зерна на Дальний Восток Наркомторг поручал сибирским и общесоюзным торгово-заготовительным организациям. Основной завоз осуществлялся Хлебопродуктом, Сибкрайсоюзом и Сибторгом. Опасения дальневосточников подтвердились уже осенью 1926 г. В сентябре–октябре сибирский завоз оказался почти в 2 раза меньше, чем за аналогичный период прошлого года: 215,8 тыс. пуд. против 387,5 тыс. пуд. К концу ноября положение не изменилось: Далькрайисполком констатировал уклонение плановых заготовителей Сибири от заклю-

чения твердых договоров с дальневосточными потребителями зерна и поручил Крайторгу поставить перед Наркомторгом вопрос о реализации постановления НКТ РСФСР о плановом завозе намеченных 5,1 млн пуд. хлебопродуктов¹⁴. Несмотря на принимаемые руководством ДВК меры, план поставок хлебопродуктов в 1926/27 г. полностью выполнен не был. Обеспечивать потребности населения и промышленности удалось только за счет ранее накопленных ресурсов и хорошего урожая 1926 г., позволившего значительно увеличить закупки в дальневосточной деревне, но к осени 1927 г. край подошел без собственных хлебных запасов¹⁵.

Расширение посевных площадей, повторный хороший урожай 1927 г. позволили увеличить планы внутренних заготовок в ДВК и снизить количество ввозимых хлебопродуктов. Если в 1925/26 г., по данным Далькрайисполкома, было завезено 6,8 млн пуд., в 1926/27 г. – около 5 млн пуд., то на 1927/28 г. было намечено к ввозу не более 3 млн пуд. [7, с. 37; 5, с. 307].

Перебои с поставками даже такого небольшого по меркам общего потребления количества имели для Дальнего Востока серьезные последствия, послужив спусковым механизмом для возникновения хлебозаготовительных проблем. Сокращение подвоза зерна в Забайкалье заставило уже с 1 декабря 1927 г. нормировать здесь отпуск хлебопродуктов [8, с. 2]. Нехватку хлеба в Читинском и Сретенском округах частично компенсировали, направив сюда амурскую продукцию, но это ухудшило снабжение зерном Приморья, также страдавшего от недопоставок из Сибири. После того как трудности хлебозаготовок в стране в целом стали очевидны для дальневосточной деревни, местное крестьянство начало сокращать сдачу хлеба государству¹⁶. Тем не менее на Дальнем Востоке без особого напряжения было заготовлено рекордное для региона количество зерна – 15 млн пуд., его должно было хватить для обеспечения населения: потребности города оценивались в 9–10 млн пуд.¹⁷

Однако с конца 1927 г. плановые заготовители снизили предложение зерна, поэтому потребительский спрос горожан и населения промысловых районов на пшеничную муку, пшеницу, овес и ячмень не удовлетворялся [8, с. 2]. До весны 1928 г. ситуация отчасти компенсировалась тем, что на Дальнем Востоке крестьяне продолжали свободно реализовывать большие партии зерна на городских базарах. С апреля, когда в регионе начинают применяться репрессивные меры против хлебодержателей, городские рынки опустели. В мае полностью прекратилась отгрузка сибирского зерна для дальневосточных потребителей¹⁸. Перебои с хлебоснабжением стали хроническими.

¹⁴ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 15. Л. 18–19.

¹⁵ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 96.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.

¹⁷ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹⁸ ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 76, л. 365.

¹² РГИА ДВ. Ф. Р-2485. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

¹³ ГАПК. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

Кризис хлебоснабжения заставил вновь начать покупать зерно в соседней Маньчжурии. Уже в июле Благовещенское отделение Дальгосторга закупило в Сахалине 100 тыс. пуд. пшеницы и собиралось завезти еще 200 тыс. пуд. муки¹⁹. В конце месяца Далькрайисполком санкционировал закупку в Харбине дополнительных 300 тыс. пуд. зерна для Благовещенска, Читы, Сретенска и Хабаровска²⁰. В приграничных районах, по информации китайской разведки, действовала сеть агентов, переправлявшая, в том числе контрабандными путями, зерно на советскую сторону. В сентябре 1928 г. гиринский гражданин губернатор Чжан, ожидая, что СССР, находящийся практически в безвыходном положении, приступит к массовым закупкам хлебопродуктов в Китае, ввел строжайший запрет на их вывоз. Под жесткий контроль были поставлены все коммерсанты, задействованные в зерновых операциях. Хлебный экспорт в СССР намеревались разрешить только в случае отмены ограничений для частной китайской торговли на территории советского Дальнего Востока²¹.

Советская же сторона не собиралась открывать внутренний рынок иностранному зерну. 26 сентября дальневосточные окружкомы партии получили телеграмму первого секретаря Далькрайкома ВКП(б) Я.Б. Гамарника, в которой сообщалось: «Импорт хлеба категорически исключен в качестве ближайшей экстренной меры. Наркомторгом даны указания отгрузить нам срочно несколько маршрутов хлеба <...> только в силу особых трудностей, сложившихся сейчас в крае, Москва предложила Сибири в ударном порядке снабдить нас в начале октября <...> в дальнейшем мы не сможем рассчитывать на ударную и значительную помощь Сибири <...> снабжение края будет зависеть по преимуществу от наших хлебозаготовок»²².

Агропродовольственная политика конца 1920-х гг. определялась интересами форсированного индустриального строительства. Власть требовала от всего населения «сознательного ограничения непродовольственного потребления»²³. Выступая перед краевым совещанием работников земельных органов в июле 1928 г., секретарь Далькрайкома ВКП(б) И.Т. Смородин подчеркнул: «Лозунг “ни одного пуда продукции из Сибири для ДВК – все для промышленных районов СССР” – вот <...> лозунг для нашего Края»²⁴.

На Дальнем Востоке ускорение развития золотодобывающей, рыбной, лесной промышленности, поставок армейского контингента на снабжение за счет ресурсов ДВК, необходимость обеспечения переселенцев и населения районов, пострадавших от наводнения, резко увеличили нагрузку на краевые централизованные хлебные фонды. Хлебофуражным балансом

на 1928/29 г. потребности города оценивались в 14,3 млн пуд., размеры крестьянских покупок зерна на внедеревенском рынке – в 12,8 млн пуд. Максимальное самообеспечение зерном предусматривалось первоначальным краевым планом хлебозаготовок в размере 18 млн пуд.²⁵

Климатические условия сельскохозяйственного сезона 1928 г. в регионе сложились крайне неблагоприятно, в результате было собрано всего 49 млн пуд. зерна – на 20 % меньше, чем в 1927 г. Наиболее ощутимо – на 28 % – сократились сборы продовольственных культур. Уже в конце августа стало ясно, что размеры гибели хлебов серьезно недоучтены, и Далькрайплан предложил снизить заготовительное задание²⁶. Решение о сокращении плана хлебозакупа до 14 млн пуд. Далькрайисполком принял только 23 октября. Для нормального снабжения дальневосточников, при условии выполнения сокращенного варианта плана, необходимо было завезти не менее 12,9 млн пуд. зерна из Сибири, но утверждено к поставкам было всего 7 млн пуд. С 1 октября 1928 г. сибирские поставки, снабжение промышленности, транспорта, армии и формирование госхлебфонда на Дальнем Востоке целиком сосредоточивались в руках акционерного общества «Союзхлеб»²⁷.

На обеспечение горожан и армии в октябре-декабре 1928 г. требовалось 3,08 млн пуд., в наличии имелось всего 238 тыс. пуд. В этих условиях были приняты меры жесткой экономии хлебных ресурсов и форсирования заготовок. По всем каналам разворачивалось давление на крестьянство, но планы заготовок не выполнялись. В сентябре было собрано 21,7 % от месячного задания, в октябре – 50, в ноябре – 39, в декабре – 45 %²⁸. В целом на Дальнем Востоке в кампанию 1928/29 г. государство закупило всего 5,27 млн пуд. зерна, или 37,6 % от плана²⁹. Централизованные ресурсы не покрывали и половины краевой потребности в зерне, и в декабре 1928 г. было принято решение о введении на территории всего ДВК нормированного отпуска хлебопродуктов с 1 февраля 1929 г. Фонды, подлежащие распределению, были сокращены для городских потребителей на 20 %, для сельских – на 50 %. В полном объеме предполагалось снабжать только рабочих в промышленно значимых городах и поселках городского типа, номенклатурных работников, армию. Все остальные категории дальневосточников, а это большая часть населения, обеспечивались частично или вообще снимались с централизованного снабжения³⁰.

Таким образом, агропродовольственная политика советского государства на Дальнем Востоке в 1920-х гг. была направлена на его отрыв от маньчжурского хлебного рынка, переориентацию на поставки

¹⁹ ГААО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 82 об.-83; Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 15. Л. 119.

²⁰ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 3. Л. 23-24.

²¹ ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 191. Л. 55-57.

²² Там же. Д. 185. Л. 79.

²³ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

²⁴ ГАХК. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 34. Л. 158.

²⁵ Там же. Ф. Р-353. Оп. 3. Д. 53. Л. 73-74, 120, 170.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 10. С. 29.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 88, 170.

²⁸ ГАПК. Ф. П-67. Оп. 1. Д. 185. Л. 109-111.

²⁹ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 64-67.

зерна из производящих районов Сибири. Развитие собственного производства должно было обеспечить снижение зависимости региона от завоза продовольствия, и в перспективе – ликвидацию хлебного дефицита. Однако политика монополизации заготовительного рынка, одним из аспектов которой являлось первоочередное обеспечение зернового экспорта и промышленных районов, начала осуществляться тогда, когда Дальний Восток еще не успел восстановить свое зерновое производство и тем более обеспечить его устойчивое развитие. Меры, принимаемые государством для регулирования хлебного рынка в производящих районах страны, привели на Дальнем Востоке к заготовительному и потребительскому кризису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории. Владивосток, 1991.

2. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004.

3. Отчет Дальэконо. Экономическому Советанию РСФСР. Б. м., 1924.

4. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.

5. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925–1926 год. Хабаровск, 1927.

6. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК за первое полугодие 1925/26 года. Б. м., б. г.

7. Записка о состоянии и нуждах Дальневосточного края. Хабаровск, 1927.

8. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК в декабре и первом квартале 1927/28 г. // Приложение к журналу «Экономическая жизнь Дальнего Востока». 1928. № 1.

*Статья поступила
в редакцию 29.04.2013*

УДК 94(47).084.6

С.А. ЕСИКОВ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ

д-р ист. наук,
Тамбовский государственный технический университет
e-mail: milana.61@mail.ru

В статье рассматриваются социальные и экономические предпосылки массовой коллективизации. Автор считает, что нэп не создал механизм устойчивого поступательного развития сельского хозяйства. К концу 1920-х гг. посевные площади не достигли довоенного уровня. Анализируются основные альтернативы аграрного развития страны. Сделан вывод, что в конкретно-исторических условиях рубежа 1920–1930-х гг. ни бухаринская, ни чайновско-кондратьевская альтернативы сталинской форсированной коллективизации реальных шансов на претворение в жизнь не имели.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, нэп, кризис хлебозаготовок, сельская кооперация, альтернативы социально-экономического развития, коллективизация, модернизация.

Долгое время отечественная историография тиражировала созданный советскими властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе нэпа продовольственной проблемы. При этом совершенно замалчивались факты серьезных продовольственных трудностей и даже голода, которые пережило сельское население недородных губерний европейской части СССР в 1924–1925 гг. [1]. Продовольственная ситуация в деревне вновь обострилась весной 1928 г. в результате хлебозаготовок, проведенных с помощью административного принуждения, а в ряде случаев – с помощью прямых репрессий против крестьянства.

Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, восстанавливалось более медленными темпами. В годы нэпа производство в аграрном секторе было пред-

ставлено исключительно единоличными крестьянскими хозяйствами, что и сказывалось на темпах восстановления. К 1927 г. удельный вес середняков в стране достиг 62,7 %. Однако укрепление позиций средних слоев крестьянства в социальной структуре деревни не было равнозначно экономическому росту самого хозяйства середняка. Осреднячивание означало нивелировку, поравнение по более низкому уровню обеспеченности средствами производства и прожиточного уровня. Ставка на средние слои деревни на практике оборачивалась признанием приоритета натурального хозяйства перед рыночным, производящим.

С 1926–1927 гг. в стране фактически утвердилась социально-политическая линия, направленная на распределение, а не на производство. Накопление у крестьянской массы приняло натуральные формы в ущерб